

РОДНОЕ СЛОВО – ЗНАК СПАСЕНЬЯ

Ирина Шапошникова, доктор филологических наук, профессор новосибирского государственного университета.

Чего боятся русские, думая о будущем? Потерять своих детей, как это уже не раз случалось в насыщенном кровопролитными войнами прошлом веке. Однако дети не только гибнут на полях сражений. Можно не найти с ними общего языка, и они уйдут от нас сами. Разрыв поколений столь очевиден, что даже из уст корифеев лингвистики можно услышать, что только язык объединяет сегодня наш народ.

Этнизация языковых процессов неизбежна в силу природы языка как знаковой системы, способной выводить вовне содержание нашего сознания. Одновременно неизбежна и их глобализация, то есть расширение функций языка при расширении культурного пространства его носителей. За этническое и цивилизационное расширение или, наоборот, сужение пространства культуры платит не только народ, но и его язык. Рассматривая язык как объект воздействия, мы должны понимать, что не сам язык – конечная цель такого воздействия, а сознание его носителей, тот образ мира, который мы в своей общенародной деятельности (или бездеятельности) вырабатываем и оставляем в наследство нашим потомкам в качестве привитых с детства мотивов и установок на организацию своего жизненного пространства.

Итоги «толпотворения»

На первый взгляд может показаться, что русские потерялись в своём геополитическом пространстве, перестали ощущать его пульс, а вместе с ним и жизнь своего языка. Так, например, студенты, пришедшие в вуз после окончания школы, делают для себя удивительные открытия, узнавая, что не только английский, но и русский является мировым языком, одним из лидеров в своём

коммуникативном ранге, способным обеспечивать международное общение. Ведь только на территории Российской Федерации проживает около 180 народов!

Зачастую никто из участников образовательного процесса не задумывается об этом и не заботится о ликвидации безграмотности в этой области. Более того, насаждается англизация информационных пространств (торговля это принимает как данность: язык того, кто первый продал технологию миру, получает приоритет при продвижении товара). А чем мотивирована устоявшаяся привычка давать английские и псевдоанглийские названия магазинам и мелким лавочкам в российских городах и посёлках, где и нога-то иностранца не ступала ни разу? Мы сами часто сужаем пространство своего языка, покорно заменяя его иностранным там, где он по праву являлся бы альтернативой последнему. Наверное, хорошо, что русские могут «козырнуть» знанием иностранных языков, но ведь есть и вопросы идеологии своего этнокультурного пространства.

Дети нашего смутного времени словно лакмусовые бумажки демонстрируют следы тех процессов, которые мы, старшее поколение, запустили (или пропустили) в своё время. Особенно ярко ущербность общения проявляется в утрате чувствительности к стилям родной речи. Если академики и учёные ещё не стесняются выказывать уважение друг другу в обращениях «(Глубоко) уважаемый Иван Иванович!», то молодые «рубахи-парни» панибратски обращаются к преподавателям, старшим коллегам и редакторам научных журналов: «Здравствуй(те) Иван». Естественно, такая форма обращения звучит вульгарно для уха русского человека, воспитанного в иерархии ценностей советского времени. Англизация здесь очевидна как и дефицит начального воспитания и образования.

Вызывает беспокойство отсутствие знаний о языковых средствах, позволяющих полноценно выразить свои мысли. Прimitивизация дискурса проявляется в клишированности и усечённости средств выражения

смыслов: зачастую от человека невозможно добиться полноценных высказываний ни в письменной, ни в устной речи. Они заменяются ключевыми словами. Атрофия чувствительности к многообразию средств родного языка, утрата любви к родному слову, низкая грамотность, пренебрежение нормой – вот далеко не полный перечень вызовов, с которыми приходится иметь дело русским гуманитариям.

Проведя экспериментальную работу в вузах самых крупных сибирских городов, мы получили длинный до бесконечности список элементарных орфографических (если бы только!) ошибок, которые очень хотелось бы отнести к специальным (шутки ради) искажениям форм, но никак не получается, так как они упорно повторяются у разных участников эксперимента. У наших студентов мука молется, сумашедшие портизаны возделывают кого-то, лаконичный лак и цвет, лаконичный = лакированный, бизнес экспортирует невь, но есть потреотизм, руболь, трайлебус, систра и другая вещь. Сюда можно добавить: лож, паметник, писемизм, шарв, медко, не здаваться, мелиция, сталица, учоба, кено, песатель и многие другие. В общем, скорьбь великому реформисту, ибо эти перлы стали нормой для выпускников школ, поступивших в вузы.

И это происходит несмотря на богатство новых информационно-технологических возможностей, которые, казалось бы, должны способствовать обратному. Нельзя не согласиться с коллегами в том, что отчасти проблемы связаны с состоянием современных СМИ и Интернета. Концентрация сознания зрителя (читателя) всё время разрушается под воздействием рекламы. Люди привыкают к этому, и такая схема восприятия информации входит в подсознание. Достаточно переключить телевизор с самых доступных каналов, где господствуют разбавленные рекламой передачи, на канал «Культура» и посвятить какое-то время просмотру полноценно транслируемых передач, чтобы понять и ощутить разницу между потреблением картинок, вперемешку с установками на псевдопотребности от

торговца брендом (то есть толпотворением) и подлинным общением (истинным контактом) носителей культуры. Второе требует времени и творческих усилий как от создателя культурного явления, так и от адресата.

Носителям русского языка сегодня не грех задуматься: как каждый из нас транслирует русскую культуру через свой родной язык. Что именно он несёт миру? Не потому ли культура наша стала терять привлекательность для других, что мы сами устранились от её созидания и сохранения?

Исход в реформаторство

Современное русское общество самоустраивается и от языковых процессов. Даже лингвисты уходят из лингвистики, переключая своё внимание на искусственно сконструированные ментальные процессы, что настраивает на пессимистический лад при осмыслении ближайшего будущего нашей науки. Как редактору научного журнала мне приходится констатировать, что в среднем из каждых десяти рукописей, поступающих в редколлегию в последние годы, 80% посвящено описанию многократно изученных (и по одному шаблону описанных) концептов. Очень хорошо, если в оставшихся 20% действительно исследуются языковые процессы.

Увлечённость менталистикой – одна из причин, по которым языковые изменения последних десятилетий остаются во многих своих аспектах вне поля зрения специалистов, а потребность общества в большой работе по упорядочению и нормированию новых сфер использования языка – неудовлетворённой. В масштабах страны так и не решены вопросы систематизации и описания с переводом в учебный формат новых научных достижений, особенно в междисциплинарных областях. Такие дисциплины, как социо-, психо- и этнолингвистика, могут уже сейчас давать ответы на вопросы, волнующие молодое поколение русских людей, уж не говоря о типологии языков Евразии, дающей ключ к лингвистическому, а вслед за ним и культурному, экономическому, политическому взаимодействию в нашем гео-

политическом пространстве. Однако доля этих дисциплин в наших стандартах ничтожна, а в усечённых реформаторством программах бакалавриата им вообще не отводится места. Предлагаемые высшей школе схемы финансирования исключают возможность нормального выполнения масштабных лингвистических проектов.

Современному человеку бросают вызов не только природные катаклизмы, но и техногенная цивилизационная среда, созданная им самим. Подлинная культура не как пресловутая товарная форма, а как чисто человеческий способ регуляции поведения себе подобных, единственная способна противостоять этим угрозам. Она состоит из нравственных выборов и поступков, а не из компромиссов с драконами саморазрушения. Подлинная культура требует и экономики нравственных решений. Выпавшие из неё, растерянные русские на рубеже веков всё время по привычке подгоняют себя под умозрительные мировые стандарты, вместо того чтобы давать своим детям элементарные знания, приобщая их к нормам родной культуры и разъясняя им угрозы цивилизации. Языковой результат суетливо-реформаторского воспитания очевиден – вульгарность, грубость, агрессивность общения.

Советская система образования, вопреки вылитым на неё ушатам грязи, была вполне достойной, адекватной задачам высокообеспеченного общества того времени. Она отвечала интересам производителя, инженера и рабочего. Если этому обществу чего-то не хватало, оно стремилось создать недостающий продукт самостоятельно. Как человек, выросший в семье инженера и в окружении таких же семей, я прекрасно помню это состояние общественной среды. Сами проектируем и строим себе лодки, на которых много лет плаваем, изучая родные просторы, выделываем шкуры и шьём шубы для всей семьи; кладём печи; проектируем и возводим постройки; создаём машины. И всё это без отрыва от основной работы на предприятии! Любая техническая неполадка, любая задача легко решалась в семье ин-

женера, а его образование позволяло ему всё это делать.

Постперестроечная система отреформирована под торговца, а потому она часто ориентируется не на свои мозги и производство, а на потребление готового продукта, пусть даже произведённого непонятно как и из чего и завезённого непонятно откуда. Очевидно, что общество утрачивает навыки созидания при таких подходах, а внутренний раскол, замешанный на потребительском нигилизме, только усиливается за счёт импортированных идеологем. Безнравственность наших реформ в том, что они шли от установок этого нигилизма. Они были начаты и проведены, прежде чем общество смогло прийти к осознанному согласию об их содержании и целеполагании.

«Быть иль не быть»

Что ищет для себя в будущем уставший от преобразований русский? Покоя? Как решается классический гамлетовский вопрос «быть иль не быть»? Ища покоя и свободы от цивилизационных проблем, мы убегаем в другие страны, в себя, на новые «просторы». Но куда бы мы ни убегали, свою цивилизацию мы несём с собой. Поэтому есть другой, подходящий истории своего отечества путь – не под покровы удобного цинизма, с которым легко не быть, а в лоно родной культуры, где нужно быть и утверждать себя, и идти, и преодолевать, и обретать чувство собственного достоинства, и передавать его детям. Нужно искать ответы на самые трудные вопросы. Вот один из них: что мы как этнокультурное сообщество сделали со своим отечеством за последние десятилетия? Самоутвердились и упаковались в броне индивидуальных отсеков? Что можно передать в таком состоянии своим детям? Они уже связывают свою страну и язык с русскостью, а готовы ли мы к этому?

По данным массового ассоциативного эксперимента, который проводился лингвистами в азиатской части России, устойчивость связи образа ЯЗЫК с образом РУССКИЙ только за последние несколько лет возросла многократно. Можем ли мы се-

годня осознать в полной мере роль нашего языка в самоидентификации людей русского мира? Она растёт объективно, но сможем ли мы управлять этой стихией? Что подлинно значимого о стихии нашей народной жизни и о своём отечестве можем мы, лингвисты, филологи, литераторы, поведать, глядя в глаза наших детей? Для такой исследовательской и образовательной деятельности нужна не митингово-лозунговая идеология патриотизма, не перманентное переформатирование стандартов, а вдумчивая работа, тёплый, душевный разговор учителя с ребёнком в лоне родной культуры. Нам нужны и знания языка, и знания о языке, о стихии этнизации языковых (и иных социальных) процессов для передачи системности и богатства образов родной культуры. Нужна государственная программа информационно-аналитической поддержки повышения

квалификации лингвистов при снижении эксплуатации преподавателя и расширении его поля свободы для творчества.

Спасёт ли нас родной язык в нашем желании обрести единение в родном отечестве? Конечно, если мы примем его со всеми новообразованиями и «изъянами», с любовью и радостью будем изучать и созидать его мощь и богатство, если сумеем воспользоваться им, чтобы растолковать себе и нашим заражённым вирусом потребления и равнодушия детям, что значит быть русским сегодня и нести ответственность за своё многонациональное отечество. Ведь только родное слово может начертать в наших душах лик народа, тот спасительный образ, за пределами которого звериный вопль толпы.

Статья опубликована:
№ 10 (6361) от 14.03.2012